

Становление внешнеполитической идентичности де-факто государства: от самопровозглашения – к международно-правовой субъектности (казус Абхазии)

Павлова Анастасия Вячеславовна, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: lodinaanastasia09@gmail.com

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется характер внешнеполитической идентичности де-факто образования на примере Абхазии, получившей признание со стороны России и ряда других государств. При помощи анализа текстов Обращений абхазской интеллигенции (1977 и 1988) и контент-анализа ежегодных Посланий президента Республики Абхазия предпринимается попытка ответить на вопрос: в чем заключается внешнеполитическая идентичность изучаемого де-факто (с 2008 г. – частично признанного) государства. В заключении автор приходит к выводу, что концептуальные основы внешнеполитической идентичности, сформулированные в Обращениях, отражаются в официальном дискурсе и воспроизводятся на уровне бытового восприятия, однако они не являются статичными. Хотя сегодня Абхазия все чаще позиционируется как суверенное государство, в официальных выступлениях и повседневном общении все еще прослеживаются отголоски идентичности Абхазии как де-факто государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Абхазия, де-факто государство, внешняя политика, исторические травмы, Россия, Грузия

Де-факто государства как результат сецессии в той или иной степени подвергаются стигматизации со стороны суверенных государств – членов ООН¹, политика которых по отношению к ним сводится преимущественно к санкционным ограничениям, полному игнорированию либо ограниченному принятию самого факта их существования². Вместе с тем де-факто государства играют определенную роль в системе международных отношений, оказывая влияние на региональную безопасность, глобальную политэкономия³ и взаимоотношения мировых держав⁴. По мнению С. Пегга, это влияние нельзя охарактеризовать как исключительно негативное. Более того, де-факто государства могут приносить определенную «пользу» сообществу признанных государств. Прежде всего, само их возникновение, как правило, связано с завершением активных боевых действий, что подразумевает некоторую стабилизацию региональной ситуации. Кроме того, промежуточное положение в системе международных отношений позволяет им проявлять большую гибкость там, где признанные государства должны демонстрировать строгую приверженность нормам международного права⁵.

Исходя из этого, представляется важным изучение поведения де-факто государств на международной арене, одним из предопределяющих факторов которого предположительно является внешнеполитическая идентичность. Объектом настоящего исследования выступает Республика Абхазия как пример успешного государственного образования, возникшего в результате сецессии и при этом способного создавать и поставлять необходимые политические блага приемлемого качества и в достаточном количестве⁶, а также сумевшего добиться, пусть и ограниченного, признания на международной арене. При помощи метода контент-анализа предпринимается попытка ответить на вопрос, в чем заключается внешнеполитическая идентичность изучаемого де-факто государства⁷. Базовая гипотеза основывается на предположении о том, что основы внешнеполитической идентичности Абхазии были сформулированы в двух Обращениях абхазской интеллигенции (1977 и 1988)⁸ и что заключенные в данных текстах нарративы находят свое отражение в современном политическом дискурсе.

Де-факто государства как акторы международных отношений

В самом общем смысле понятие «де-факто государство» охватывает территориальные образования, добившиеся независимости в результате сецессии, но не получившие широкого международного признания в качестве суверенных государств⁹. Дальнейшие трактовки исследователей могут варьироваться.

1 Ker-Lindsay 2018.

2 Pegg 1998.

3 Ibid.

4 Маркедонов 2021.

5 Pegg 1998.

6 Kudryashova 2021.

7 Поскольку в работе рассматривается идентичность Абхазии как до, так и после признания Россией (2008) и рядом других государств, то во избежание методологической путаницы, если речь идет не только о периоде после 2008 г., здесь и далее по тексту Абхазия будет обозначаться как де-факто государство, хотя следует иметь в виду, что с 2008 г. она является частично признанным государством.

8 Абхазский узел 1995, 19–114.

9 Caspersen 2017.

Для раскрытия концепта необходимо сопоставить его со смежными понятиями. Во-первых, де-факто государство – не синоним, а зеркальное отражение квази-государства: если первое осуществляет контроль над территорией и способно к выстраиванию эффективной системы государственного управления, но при этом лишено легитимности в глазах международного сообщества, то второе, даже будучи признанным членом ООН, зачастую терпит неудачу в реализации государственного проекта¹. Во-вторых, де-факто государство не означает «мятежное государство». Напротив, как отмечает Н. Касперсен, де-факто государство подразумевает окончание режима управления повстанческими структурами; после завершения военных действий начинается процесс строительства государственных институтов² с последующей передачей им управленческих функций. Нельзя свести понятие «де-факто государство» и к «криминальным зонам»: несмотря на значительный теневой сектор, они обладают собственной политэкономией, характеристики которой сходны с таковыми у ближайших соседей³. И, наконец, де-факто государства не являются «марионеточными государствами»⁴: они активно вовлечены в процессы национального и государственного строительства⁵, а также в той или иной степени способны вести самостоятельную внешнюю политику⁶.

Вместе с тем необходимо признать определенную степень зависимости де-факто государств от внешнего патрона, которую Дж. Комай выделяет в качестве ключевой характеристики подобного рода образований на постсоветском пространстве, концептуализируя их как «маленькие зависимые юрисдикции» (*small dependent jurisdictions*)⁷. Она выражается в форме получения экономических выгод и гарантий безопасности⁸ и может быть интерпретирована как относительная нормальность и даже как некое выражение самоопределения⁹, но не как отсутствие самостоятельности¹⁰.

Принимая в качестве исходного положения тезис о способности де-факто государств к реализации автономного внешнеполитического курса, можно развить идею о наличии у данных образований и собственной внешнеполитической идентичности, которая в настоящей работе понимается как совокупность представлений государственного актора о самом себе, о своих союзниках и политических оппонентах, о системе международных отношений и о своем месте в ней.

При изучении внешнеполитической идентичности де-факто государства представляется необходимым принять во внимание конфликт с «материнским» государством (*parent state*), которое может оказывать влияние на развитие проектов и планов отделившихся образований¹¹. Прежде всего такие конфликты не-

1 Pegg 1998.

2 Caspersen 2017.

3 O'Loughlin et al. 2014.

4 Caspersen 2017.

5 Broers 2020.

6 Markedonov 2012; Broers 2020.

7 Comai 2018.

8 Florea 2017.

9 Comai 2018.

10 Broers 2020.

11 Маркедонов 2021.

редко носят этнополитический характер¹. Это означает, что в их основе лежат не только сепаратистские или сепаратистские устремления², но и столкновение идентичностей³. Далее, по мнению Л. Броерса⁴, даже после завершения активных боевых действий постоянное ощущение угрозы, исходящей от «материнского» государства, сохраняется. Отсутствие признания опасно, ведь если в «материнском» государстве будет принято решение о восстановлении территориальной целостности силовым путем, то оно вряд ли встретит возражения со стороны международного сообщества⁵. Кроме того, конфликты, ассоциированные с возникновением де-факто государств Евразии, как правило, характеризуются отсутствием окончательного урегулирования и, соответственно, формальных договоренностей о невозобновлении боевых действий, поэтому применительно к ним используется прилагательное «замороженный» (*frozen*)⁶. Вместе с тем и само понятие «замороженный конфликт» оспаривается рядом исследователей, аргументирующих свое мнение тем, что такой тип конфликта обладает своей внутренней динамикой, и предлагающих использовать термин «тлеющий» (*smoldering*) вместо «замороженного»⁷. Изменениям подвержен и геополитический контекст⁸. Так, изначально конфликт между Грузией и Абхазией носил исключительно локальный этнополитический характер, позиция России в нем не была однозначно в поддержку одной или другой стороны⁹, и только с начала 2000-х гг. он стал все больше ассоциироваться с российско-американским противостоянием¹⁰, приобретая статус геополитического¹¹. И, наконец, воспоминания о прошедших военных действиях закрепляются в политических практиках, дискурсах и символах, которые вплетаются в государственную идентичность. В качестве примеров можно привести мемориал у моста через р. Гумисту, памятник В. Ардзинбе в г. Гагре и проведение церемоний возложения цветов в память о воинах, погибших в годы Отечественной войны народа Абхазии.

Конфликт 1992–1993 гг. в зеркале грузинских и абхазских исследований

В абхазской научной литературе тема идентичности изучаемого государственного образования раскрывается преимущественно в исторической перспективе с особым акцентом на грузино-абхазский конфликт. В трудах абхазских исследователей можно выделить общие идеи: Абхазия – маленькое государство¹² с «трагической историей» в силу этого «геополитического обстоятельства»¹³, в отношении которого как со стороны России, так и со стороны западных государств

1 На постсоветском пространстве этнополитический характер имели чеченский конфликт, грузино-абхазский конфликт, грузино-осетинский конфликт и конфликт вокруг Нагорного Карабаха.

2 Kharitonova 2021.

3 Hicks 2001.

4 Broers 2020.

5 Caspersen 2017.

6 Kazantsev et al. 2020.

7 O'Loughlin et al. 2014.

8 Ibid.

9 Маркедонов, Скаков 2017; Kazantsev et al. 2020.

10 Силаев 2017.

11 Kazantsev et al. 2020.

12 Лакоба 2001; Авидзба 2013; Айба 2006.

13 Айба 2006.

применялись «двойные стандарты»¹. Стоит отметить, что понятие «де-факто государство» по отношению к Абхазии в работах А.Ф. Авидзбы² и Б. Айбы³ не употребляется. В свою очередь, И.Р. Марыхуба⁴ однозначно характеризует ее как «суверенное государство», как «государство – субъект международного права», а конфликт 1992–1993 гг. – как «межгосударственную войну» или «реконкисту». Грузия же, по мнению автора, не является государством ни де-факто, ни де-юре⁵. В книге С.З. Лакобы⁶ также используется понятие «межгосударственный конфликт», и существующая де-факто Абхазия противопоставляется лишь зафиксированной де-юре (но не де-факто) Грузии.

В грузинском академическом дискурсе парадоксальным образом прослеживается схожесть подходов с таковыми в абхазской научной литературе. Прежде всего, значительное внимание уделяется истории происхождения грузинского и абхазского этносов. Если в абхазской историографии последовательно доказывается автохтонность абхазского народа и историческое право на занимаемую территорию⁷, то в трудах грузинских ученых отстаивается противоположная точка зрения, согласно которой Абхазия – историческая область Грузии, а ее коренное население – грузины⁸. Таким образом, при сопоставлении, например, работы С.З. Лакобы и О.Х. Бгажбы⁹ с работой Дж. Гамахарии¹⁰ создается впечатление академического спора о том, какой этнос занял изучаемую территорию раньше. При этом и грузинская, и абхазская стороны в равной степени используют в отношении друг друга слово «оккупация»¹¹. Значительное место в исследовательских работах отводится описанию военных преступлений противоположной стороны: и в абхазской, и в грузинской литературе употребляются слова «геноцид» и «этнические чистки», а также в красках описываются «зверства оккупантов» как в отношении абхазского или грузинского этносов, так и в отношении этнических меньшинств – армян, греков и русских¹². Кроме того, в качестве общей черты можно выделить приписываемую России в рамках конфликта 1992–1993 гг. как грузинскими¹³, так и абхазскими¹⁴ авторами одностороннюю поддержку Абхазии и Грузии соответственно, включая поставку вооружений и непосредственную вовлеченность российских военных в боевые действия. Стоит отметить, что есть и третья точка зрения, согласно которой в определенный период внешнеполитический курс России по отношению к грузино-абхазской проблеме отличался амбивалентностью¹⁵.

1 Лакоба 2001; Авидзба 2013.

2 Авидзба 2013.

3 Айба 2006.

4 Марыхуба 2004.

5 Ibid.

6 Лакоба 2001.

7 Марыхуба 2004; Бгажба, Лакоба 2007.

8 Гамахария, Гогия 1997; Папаскири 2008; Лордкипанидзе, Отхмезури 2010; Гамахария 2012.

9 Бгажба, Лакоба 2007.

10 Гамахария 2012.

11 Лакоба 2001; Марыхуба 2004; Бгажба, Лакоба 2007; Гамахария 2012.

12 Ibid.

13 См., например: Гамахария 2012; Кухианидзе 2012.

14 См., например: Лакоба 2001.

15 Авидзба 2013.

Методика проведения исследования

Анализ двух Обращений абхазской интеллигенции (1977 и 1988)¹ в сравнительной перспективе позволил выделить ключевые нарративы, которые, как представляется, легли в основу внешнеполитической идентичности современной Абхазии. С опорой на полученные результаты был проведен качественный контент-анализ шести ежегодных Посланий президента Республики Абхазия Народному Собранию² (2007³, 2008⁴, 2013⁵, 2016⁶, 2017⁷, 2022⁸). Ограниченность выборки обусловлена тем, что, несмотря на употребление слова «ежегодные», Послания носят нерегулярный характер. Послание 2022 г. – первое⁹ (и единственное к моменту завершения настоящего исследования) для президента А. Бжании, вступившего в должность в апреле 2020 г. В этой связи послания отбирались в соответствии со следующими критериями: 1) доступность в сети Интернет и достоверность источника; 2) охват каждого всенародно избранного президента; 3) соответствие количества посланий количеству сроков президента. При проведении контент-анализа за лексическую единицу принимались смысловые фрагменты (предложения или фразы) в соответствии с тремя параметрами: 1) представления о себе; 2) отношения с внешним миром; 3) характер международной среды; 4) отношения с международными акторами.

В рамках настоящего исследования представления государственного образования о себе включают три возможных варианта: де-факто государство, непризнанное государство и суверенное государство.

Параметр «отношения с внешним миром» операционализируется через две переменные: изоляция и открытость. Во избежание двусмысленности необходимо отметить, что в первом случае речь идет о восприятии де-факто государством своего положения в международной системе, а не о целенаправленном политическом курсе. Следовательно, «изоляция» означает вынужденную констатацию факта нахождения в данном состоянии, а «открытость», в свою очередь, подразумевает сознательную внешнеполитическую установку изучаемого актора.

Характер международной среды был операционализирован в соответствии с его влиянием на достижение де-факто государством своих интересов и поставленных целей: «благоприятствующий» в случае способствования и «враждебный» в случае препятствования.

1 Абхазский узел 1995, 19–114. Далее – Обращения.

2 Далее – Послания.

3 Президент Абхазии выступил с ежегодным посланием к парламенту: полный текст // REGNUM. 30 мая 2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/835843?ysclid=losj53ot5192443265> (дата обращения: 09.11.23).

4 На первом плане вопрос признания независимости: выступление президента Абхазии в парламенте // REGNUM. 22 апреля 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/835843?ysclid=losj53ot5192443265> (дата обращения: 09.11.23).

5 Послание Президента Республики Абхазия А.З. Анкваба // Abhazia-News.ru. 18 декабря 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/phykc> (дата обращения: 09.11.23).

6 Послание Президента Народному Собранию-Парламенту // Президент Республики Абхазия. 20 января 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/phykg> (дата обращения: 09.11.23).

7 Послание Президента Народному Собранию-Парламенту Республики Абхазия // Президент Республики Абхазия. 20 декабря 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://presidentofabkhazia.org/about/info/news/?ELEMENT_ID=7185&ysclid=iosjs3mjcr552067090 (дата обращения: 09.11.23).

8 Послание Президента Республики Абхазия А.Г. Бжании Народному Собранию-Парламенту Республики Абхазия // Президент Республики Абхазия. 16 июня 2022. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/phykw> (дата обращения: 09.11.23).

9 Ibid.

Параметр «отношения с международными акторами» основан на существующей в исследованиях идентичностей дихотомии «друг / враг», но в интересах настоящей работы конкретизирован до понятий «партнер / союзник / братское государство» в отношении «друзей», а в случае «врага» – Грузии – до характера отношения к нему – резко негативного (если в дискурсе присутствуют признаки дегуманизации), негативного и нейтрального.

Затем результаты контент-анализа были сопоставлены с результатами анализа Обращений¹ и проиллюстрированы наблюдениями автора по итогам двухнедельного пребывания в Гулрыпшском районе Республики Абхазия.

Противоречия эволюции внешнеполитической идентичности Абхазии

Прежде чем приступить к анализу Обращений, представляется логичным обратиться к более ранней публицистике. В настоящем исследовании анализируется работа С. Басарии² «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении» (1925). Данное произведение интересно тем, что в нем приводятся этнографическое описание абхазов и исторические очерки. Кроме того, рассматривается сочинение популярного в Абхазии Н. Лакобы³ «Искры Октябрьской Революции в Абхазии (воспоминания)» (1922).

Одним из ключевых нарративов в работе С. Басарии⁴ является более чем двухтысячелетняя история самостоятельности абхазского народа – *ансуа*. Следующий значимый сюжет – покорение «вольной страны» «царскими войсками». При этом, согласно мнению автора, абхазы – последние из кавказских горцев, вошедших в состав Российской Империи: первой (добровольно) сдалась Грузия, абхазы же упорно сопротивлялись, а после неоднократно поднимали восстания. Вместе с тем в произведении Н. Лакобы⁵ вхождение Абхазии в состав Российской Империи называется добровольным, но в части восстаний против «притеснений» точки зрения авторов совпадают. В этом контексте стоит отметить, что именно идея С. Басарии впоследствии получила более широкое распространение в Абхазии, в частности она красной нитью проходит в государственном учебнике истории для школьников 10-11 классов⁶.

В довершение всех «бед», пишет С. Басария⁷, – война с Турцией (1877), в результате которой абхазы становятся «виновным населением» и лишаются права на землю, на которой они жили две тысячи лет. При этом слово «махаджирство» в работе С. Басарии⁸, в отличие от произведения Н. Лакобы⁹, не употребляется. Еще один важный элемент исторического повествования – по-

1 Абхазский узел 1995, 19–114.

2 Басария 1923.

3 Лакоба 1922.

4 Басария 1923.

5 Лакоба 1922.

6 Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии. С древнейших времен до наших дней. Учеб. для 10–11 кл. общеобразоват. учеб. заведений. 2-е издание, дополненное и переработанное. Сухум: Министерство образования и науки РА, 2015. 464 с.

7 Басария 1923.

8 Ibid.

9 Лакоба 1922.

литика меньшевиков. Примечательно, что и С. Басария¹, и Н. Лакоба² противопоставляют «грузинский национализм» и «шовинизм» «интернациональности» и национальному «индифферентизму» абхазов.

Идеи ранних советских публицистов нашли свое продолжение в Обращениях абхазской интеллигенции 1977 и 1988 гг. Сравнительный анализ Обращений³ позволил выделить три исторические травмы Абхазии: махаджирство, «шовинистическая» политика грузинских меньшевиков, «бериевщина». Общим при изложении данных сюжетов является нарратив о том, что их результатом стало увеличение численности грузинского населения на территории, которую этнические абхазы считали исторически своей, и что сами абхазы на ней ощущали себя в меньшинстве. Кроме того, в обоих Обращениях сформулирован ряд так называемых исторических обид (*historical grievances*) по отношению к грузинскому этносу: изменение абхазской топонимики на грузинскую; кадровая политика в пользу грузинского этноса; доминирование грузинской историографии, которое авторами называется не иначе как «фальсификация истории» Абхазии; «наступление» на абхазский язык и культуру; и, наконец, «огрузинивание» самих абхазов. Главным отличием Обращения 1988 г. от Обращения 1977 г. является содержание в нем концептуального обоснования наличия у абхазов исторического опыта государственности, отсчет которой ведется со времен Абхазского царства (VIII – начало XI вв.), и права на позиционирование себя в качестве самобытного этноса: «абхазы – народ с древней культурой, самостоятельной историей, языком, совершенно отличным от грузинского». Один из жителей поселка Агудзера на вопрос о том, кто такие абхазы, ответил: «Мы один из первых христианских народов, наравне с грузинами и армянами»⁴.

Контент-анализ Посланий показал, что внешнеполитическая идентичность Абхазии находится в процессе непрерывной эволюции.

Во-первых, на *Рисунке 1* можно проследить, как менялись представления государственного образования о себе: от де-факто государства и непризнанного государства в 2007–2008 гг. до суверенного государства в 2016–2022 годах. При этом примечательным представляется то, что президенты Республики Абхазия, говоря о ней как о суверенном государстве, одновременно обращают свое внимание на факт экономической зависимости от России. Впервые о ней упомянул в своем послании А. Анкваб (2013), впоследствии тезис развил Р. Хаджимба. В Послании последнего (2015), тем не менее, содержатся мысли о достижении финансовой самодостаточности «в обозримой перспективе» (5 раз) и тезис о внешнеполитической автономности (2 раза); в 2015 г. он уже (дважды) говорит об экономической самостоятельности как о «жизненной необходимости». Очевидно, что достижение этой цели требует соответствующего уровня собственного

1 Басария 1923.

2 Лакоба 1922.

3 Абхазский узел 1995, 19–114.

4 Здесь и далее прямая речь жителей Абхазии, зафиксированная во время пребывания автора в Гулрыпшском районе в 2022–2023 гг., используется исключительно в иллюстративных целях и не претендует на статус самостоятельного научного метода в силу недостаточно репрезентативной выборки. На основании этого нельзя сделать валидные выводы. Цель автора – показать некоторые из точек зрения, существующих в общественном дискурсе.

производства. Однако даже на полках магазинов большая часть товаров – импортная, включая яйца и молочную продукцию:

- «– Нет, своего здесь ничего не производится.
- А местный сыр-колобок? (*прим.* – вопрос автора)
- И он завозной – из Краснодара».

В этой связи представляется небезосновательной мысль российского исследователя М.А. Платоновой о том, что, получив частичное признание от России, Абхазия утратила часть своей де-факто независимости¹.

Рисунок 1.

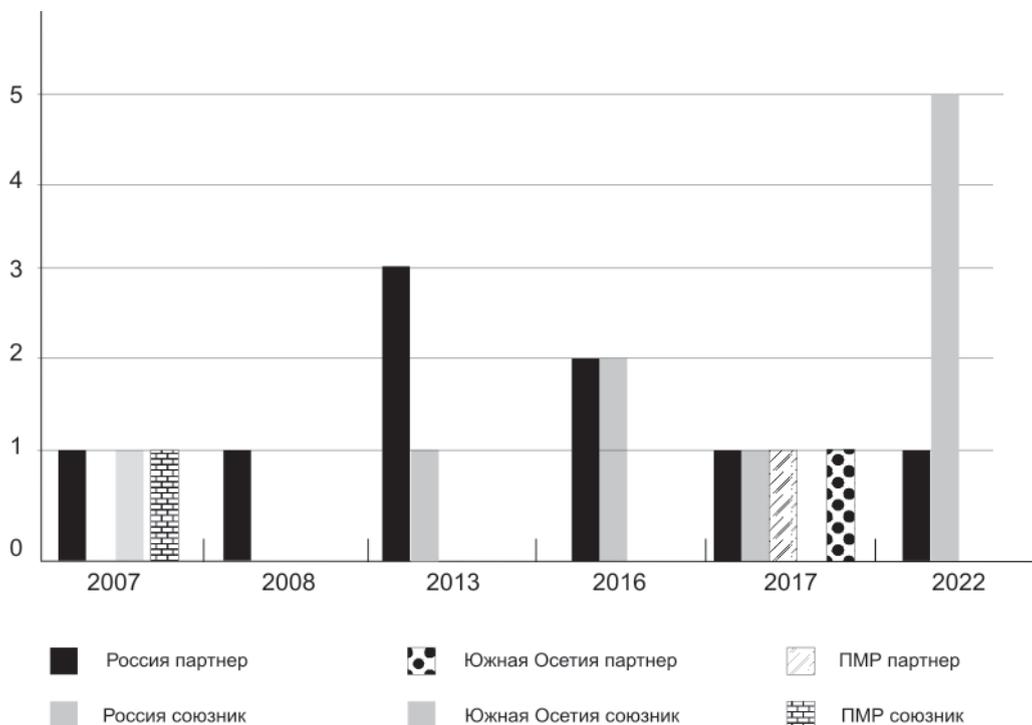
Во-вторых, на *Рисунке 2* показано, что за 15 лет произошли изменения в восприятии партнеров и союзников. Так, в 2007–2008 гг. «союзниками» признавались Приднестровская Молдавская Республика и Республика Южная Осетия. Россия же позиционировалась в качестве «главного партнера», причем в Послании 2007 г. есть уточнение: «в процессе мирного урегулирования». В Послании 2013 г. упоминания о двух де-факто государствах отсутствуют вовсе, а Россия впервые называется «стратегическим союзником», но лишь единожды, в то время как в качестве «партнера», внешнеэкономического и политического, она характеризуется в 4 раза чаще. В Послании 2016 г. понятия «партнер» и «союзник» применительно к России встречаются с одинаковой частотой, а Южная Осетия получает характеристику «братское государство». В Послании 2017 г. соотношение двух понятий, характеризующих статус России, сохраняется, в то время как два де-факто государства обозначаются как «партнеры». Примечательно, что в Послании 2017 г. впервые звучит тезис об «особом характере абхазо-российских отношений». В последнем к моменту написания работы

1 Платонова 2012.

Послании 2022 г. в отношении России доминирует понятие «союзник»: частота упоминаний равняется 5, в то время как слово «партнер» звучит единожды. В том же Послании применительно к Южной Осетии используется эпитет «братская». Таким образом, к 2022 г. во внешнеполитическом дискурсе президентов Абхазии Республика Южная Осетия и Приднестровская Молдавская Республика уступили место союзника Российской Федерации.

Рисунок 2.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МЕЖДУНАРОДНЫХ АКТОРАХ В ДИНАМИКЕ
PERCEPTIONS OF INTERNATIONAL ACTORS IN DYNAMICS**

Источник: составлено автором.

При этом стоит отметить, что, хотя на официальном уровне Россия позиционируется в качестве стратегического союзника, ее восприятие на уровне индивидов и повседневных практик далеко не так однозначно. Прежде всего, это выражается в дискуссии вокруг законопроекта об апартаментах. Сторонники продажи апартаментов иностранцам (прежде всего россиянам) аргументируют свое мнение необходимостью привлечения новых ресурсов для развития страны, противники озвучивают опасения относительно потенциального смещения демографического баланса, связанного с возможностью получения иностранцами абхазского гражданства¹. Вторую точку зрения можно проиллюстрировать словами одного из жителей Гулрыпшского района: «Не поймите нас неправильно-

1 Возможность продажи апартаментов иностранным бизнесменам обсудили в Сухуме // Общественная палата Республики Абхазия. 2 ноября 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/phylyf> (дата обращения: 09.11.23).

но, мы не против русских, но мы маленькие, нас мало. Один москвич может купить всю Абхазию. Мы это уже проходили в отношениях с Грузией. Мы видели, к чему это может привести». Вероятно, подобные опасения являются отражением трех исторических травм, изложенных в Обращениях¹, и вытекающего из них нарратива о «малочисленном народе». Кроме того, на фоне признания России в качестве гаранта безопасности как на официальном уровне, так и на бытовом, хотя и с оглядкой на текущую ситуацию, вхождение в состав Российской Федерации представляется *как минимум для части* абхазов не желанным исходом, а последним средством:

«– Абхазия все равно войдет в состав России.

– Почему? Абхазия же этого не хочет, и Россия это понимает.

– Не хочет. А что делать? Иначе на нас снова нападет Грузия. Если бы не Россия, здесь бы уже снова была война.

– А что изменилось?

– Как что? Украина. Россия сейчас там»².

На спорность вопроса о степени «открытости» в отношениях с Россией указывает и российский исследователь С.М. Маркедонов. При этом автор подчеркивает, что оппозиция, критикующая правящую элиту за принятие неоднозначных решений, в число которых входит, например, соглашение о даче «Пицунда», при приходе к власти начинает действовать аналогичным образом. Подобную тенденцию политолог охарактеризовал словом «круговорот»³.

Сложно отрицать и наличие негативного отношения к определенной части российской истории. На официальном уровне зафиксированы День памяти жертв Кавказской войны и насильственного выселения горских народов Кавказа, а также День памяти жертв политических репрессий. На бытовом уровне это проявляется в таких высказываниях, как: «Если бы не русский царь, сейчас вся Кубань бы наша была». Объяснение подобного рода «двойственности» в восприятии – благодарности по отношению к современной Российской Федерации и возложения вины на правящие элиты Российской Империи и СССР – может заключаться в том, кто в нарративах выступает «обидчиками» (*perpetrators*): не Российская Империя, но «царизм», «русский царь», царские «власти», «войска», «командование», «генералы», «военная администрация» и т.д.; не Советская Россия, но И. Сталин и «любимый грузинский сын» Л. Берия⁴.

Говоря о Грузии, на *Рисунке 3* заметно, что с течением времени характер ее восприятия, отраженный в Посланиях, смягчается: от крайне негативного в 2008 г. до нейтрального в 2013 г. Снижается и частота ее упоминания в текстах: от 14 в 2008 г. до 0 в 2017 г. В 2022 г. Грузия упоминалась всего единожды в качестве «потенциального агрессора». Связанная с понятием «обидчик» (*perpetrator*) категория «вины» после 2008 г., пережив свой пик, полностью исчезает из по-

1 Абхазский узел 1995, 19–114.

2 Из разговора автора в июле 2023 г.

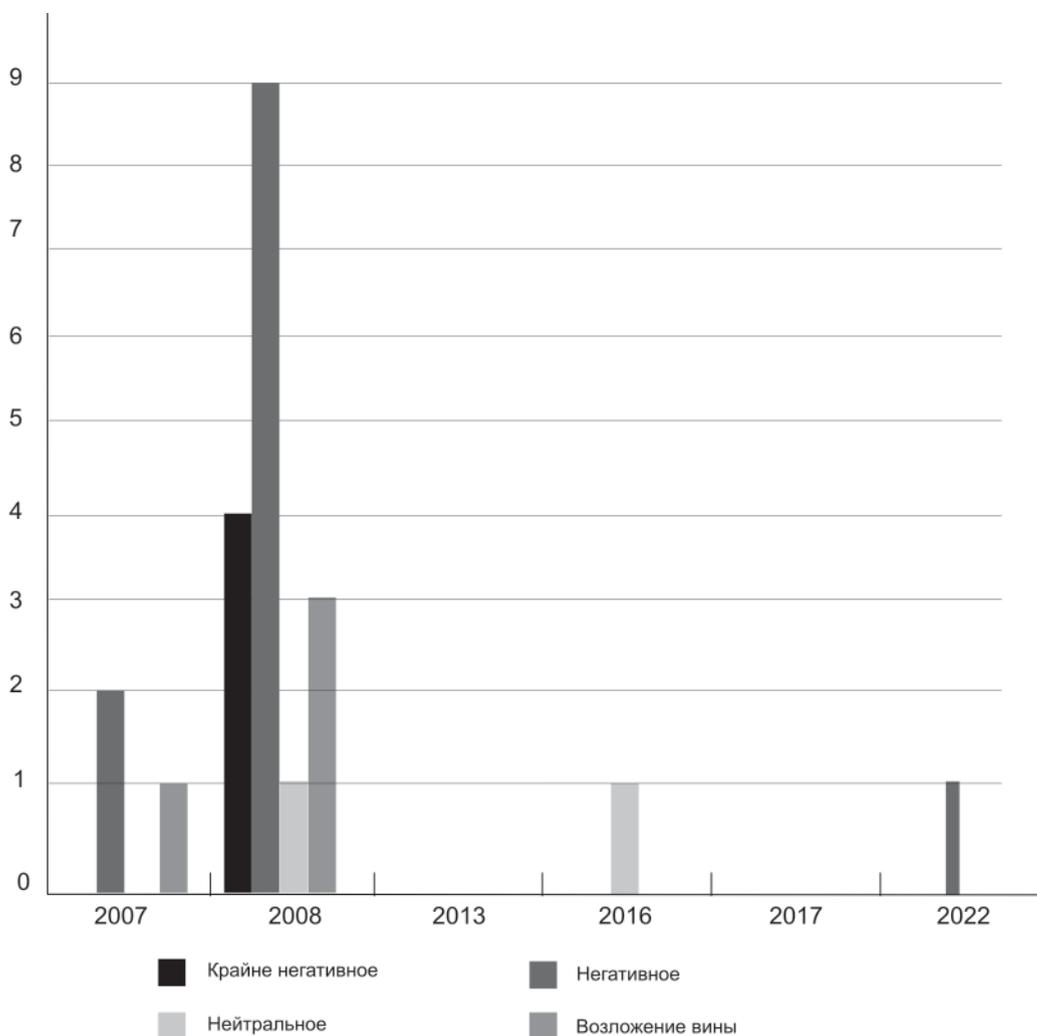
3 «Геополитизация» Абхазии или борьба за дополнительную легитимность власти? // Аспныпресс. 14 декабря 2023. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/qqaxu> (дата обращения: 09.11.23); Маркедонов, С.М. «Дачный вопрос» или переформатирование Абхазии // Telegram-канал «Донской казак». 10 января 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/DonskoyCossack/229> (дата обращения: 09.11.23).

4 Pavlova, Anastasia. "History on the Book Pages: Content-Analysis of the Abkhazian Textbook on History." SSRN Scholarly Paper. Rochester, NY, October 12, 2023. <https://papers.ssrn.com/abstract=4629319>.

литической риторики, изучаемой в рамках настоящего исследования. В разговоре с автором исследования жительница поселка Агудзера, пережившая блокаду города Ткуарчала, сказала: «[Характер человека] не зависит от национальности. И среди грузин есть хорошие люди, многие из них за Абхазию воевали». Конфликт 1992–1993 гг., кажется, постепенно отдаляется в прошлое, что, впрочем, способствует более пессимистичному и критическому отношению к действительности. После окончания боевых действий прошло 30 лет, и часть населения по-своему «подводит итоги», неутешительные для действующего руководства частично признанного государства: «30 лет прошло. Мы не видим никаких изменений»; «Не за это мы воевали»; «Вот первый президент Абхазии хороший был. Он за Абхазию болел всей душой. А эти только карманы свои набивают».

Рисунок 3.

ОТНОШЕНИЕ К ГРУЗИИ В ДИНАМИКЕ THE ATTITUDE TOWARDS GEORGIA IN DYNAMICS

Источник: составлено автором.

Вместе с тем в отношении грузин Галского района по-прежнему наблюдается некоторая настороженность. И хотя в Посланиях проблема грузинского меньшинства, проживающего на территории современной Абхазии, прямо поднимается лишь раз – в выступлении А. Анкваба (2013) – и еще раз, но косвенно – в выступлении Р. Хаджимбы (2016): «... я не приемлю пропаганды того, что в нашем обществе есть какие-то внутренние враждебные Абхазии силы, откуда бы эта пропаганда ни исходила», – ее замалчивание на высшем уровне не означает ее отсутствия. Так, глава Галского района К. Пилия в своем недавнем интервью признал, что значительная часть населения управляемой им территориальной единицы до сих пор не имеет абхазского паспорта¹. В одном из диалогов с автором местный житель озвучил следующее мнение: «Они в Абхазии только живут, а работа – все там. У них паспорт и абхазский, и грузинский, они свободно границу пересекают. А мы так не можем. Их просили оставить что-то одно – грузинское гражданство или абхазское. Они не согласились. Мы боимся, что, если снова начнется война, они на их стороне воевать будут». Законодательством Абхазии запрещено иметь двойное гражданство, за исключением российского². Однако, по словам К. Пилия³, одна из сложностей заключается в том, что процедура отказа от грузинского гражданства в пользу абхазского предполагает непосредственное обращение в соответствующие органы в Грузии, которые в свою очередь не признают абхазское гражданство, поскольку считают территорию Абхазии частью Грузии. Кроме того, исследовательский интерес вызывает этнический состав руководства Галского района, 91,49% населения которого, согласно данным официальной статистики⁴, – грузины. К. Пилия, его первый заместитель Д. Адлейба, а также заместители Д. Кове и А. Аджинджал – этнические абхазы, причем глава администрации и его команда представляют собой т.н. варягов и предположительно являются надежными людьми в глазах центральных властей, поскольку, например, К. Пилия – ветеран грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., а по прошлому месту работы – депутат Парламента Республики Абхазия⁵.

То, что в Абхазии существует неразрешенный вопрос с этническим меньшинством, отмечает и российский исследователь И.В. Кудряшова⁶. Это тоже своего рода проявление тех трех исторических травм, которые были выделены при анализе Обращений⁷ 1977 и 1988: вполне вероятно, что существуют опасения снова оказаться «в меньшинстве» на той территории, которую этнические абхазы считают исторически своей.

1 АмчРА. Константин Пилия – глава Галского района // Официальный сайт Администрации Галского района. 3 ноября 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://gal.apsny.land/novosti/item/7-amchra-konstantin-piliya-glava-galskogo-rajona> (дата обращения: 09.11.23).

2 Закон Республики Абхазия № 1168-с-IV «О гражданстве Республики Абхазия» (с изменением и дополнением от 18 сентября 2013 г. № 3392-с-V) от 8 ноября 2005 года. Принят Народным Собранием – Парламентом Республики Абхазия 24 октября 2005 года // Президент Республики Абхазия. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/phyvi> (дата обращения: 09.11.23).

3 АмчРА. Константин Пилия – глава Галского района // Официальный сайт Администрации Галского района. 3 ноября 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://gal.apsny.land/novosti/item/7-amchra-konstantin-piliya-glava-galskogo-rajona> (дата обращения: 09.11.23).

4 Государственный комитет Республики Абхазия по статистике // Управление государственной статистики Республики Абхазия. [Электронный ресурс]. URL: <https://ugsra.org/> (дата обращения: 09.11.23).

5 Руководство района // Официальный сайт Администрации Галского района. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/rhymh> (дата обращения: 09.11.23).

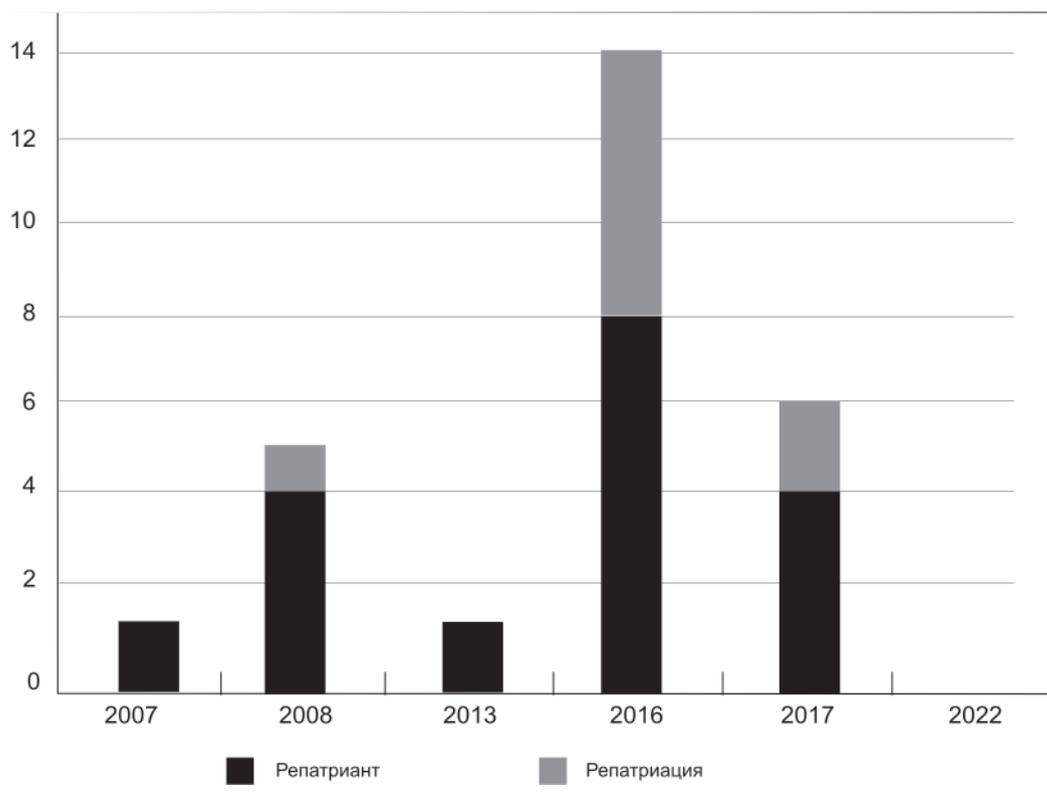
6 Kudryashova 2021.

7 Абхазский узел 1995, 19–114.

Возвращаясь к историческим травмам, нельзя обойти стороной махаджирство. В современном политическом дискурсе этот исторический нарратив обрел новую лексическую форму – «репатриация» этнических абхазов, преимущественно из Турции, на свою «историческую родину». На *Рисунке 4* прослеживается динамика частоты употребления слов «репатриация» и «репатрианты» в Посланиях президентов: больше всего упоминаний встречается в Посланиях Р. Хаджимбы (2016) и С. Багапша (2008), хотя данный сюжет присутствует во всех выступлениях, за исключением А. Бжании (2022). На вопрос о том, как абхазы, долгое время проживавшие за рубежом, интегрируются в современное абхазское общество, один из респондентов дал следующий ответ: «Тяжело им. Но они молодцы, они своего языка не забыли. Немного на ломаном говорят, конечно. У нас все больше русский. На абхазском больше говорят в семьях, старшие. А молодежь и особенно дети – только на русском. Ну мы сами в этом, конечно, виноваты. Сами того не замечая, порой и дома на русский переходим».

Рисунок 4.

**ЧАСТОТА УПОТРЕБЛЕНИЙ СЛОВ «РЕПАТРИАНТ» И «РЕПАТРИАЦИЯ» В ДИНАМИКЕ
THE FREQUENCY OF THE WORDS “REPATRIATE” AND “REPATRIATION” IN DYNAMICS**

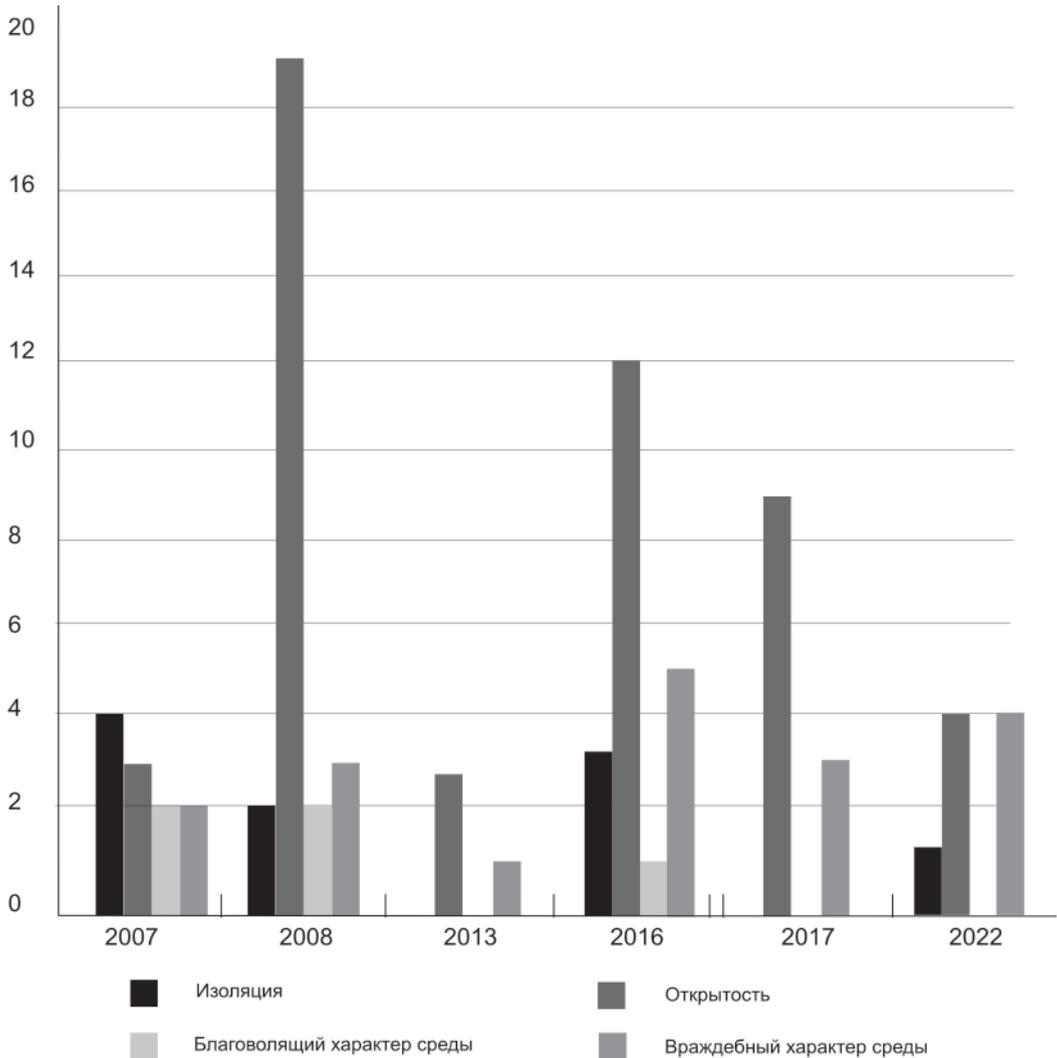

Источник: составлено автором.

Интерес представляет отношение президентов Абхазии к международной среде и восприятие ими ее характера, отображенные на *Рисунке 5*. Сильнее всего ощущая международную изоляцию («блокадная экономика», «экономическая блокада», «экстремальные условия непризнанности, политического давления,

Рисунок 5.

КАТЕГОРИИ «ОТНОШЕНИЯ С ВНЕШНИМ МИРОМ» И «ХАРАКТЕР
МЕЖДУНАРОДНОЙ СРЕДЫ» В ДИНАМИКЕ
THE CATEGORIES OF "RELATIONS WITH THE OUTSIDE WORLD" AND "THE NATURE
OF THE INTERNATIONAL ENVIRONMENT" IN DYNAMICS

Источник: составлено автором.

изоляции и эмбарго»), С. Багапш (2007 и 2008) вместе с тем демонстрировал наибольшую открытость по отношению к внешнему миру. Именно в его Посланиях чаще, чем в Посланиях последующих президентов, встречается мысль о том, что международная среда может не только препятствовать, но и способствовать достижению поставленных истеблишментом де-факто государства целей. Наименьшей степенью «открытости» отличается риторика А. Анкваба (2013) и А. Бжани (2022). В первом случае объяснение, возможно, кроется в самом характере выступления – его целью было дать ответ на критику со стороны оппозиции в условиях сложной внутривластной обстановки. Во втором случае текст Послания был посвящен преодолению последствий коронавирусных ограничений и про-

износился в условиях начала СВО России. Вместе с тем необходимо признать, что категория «изоляция» после 2008 г. в Посланиях президентов употребляется реже и приобретает новые смыслы. Если в Посланиях С. Багапша под ней подразумевался преимущественно санкционный режим в отношении Абхазии, то в Послании Р. Хаджимбы (2016) речь идет о «гуманитарной изоляции» частично признанного государства, а в послании А. Бжании – «инвестиционной». Для Посланий всех Президентов характерно восприятие внешней среды как враждебной, препятствующей достижению поставленных целей, однако после С. Багапша представление об обратном встречается лишь единожды – в Послании Р. Хаджимбы (2016).

Заключение

Проведенное исследование показало, что Республика Абхазия все еще находится в процессе поиска своей внешнеполитической идентичности, хотя некоторые ее черты уже сейчас довольно определены. Какие-то из них являются продолжением тех нарративов, которые были заложены в раннесоветской публицистике и в Обращениях абхазской интеллигенции (1977 и 1988)¹, другие стали результатом влияния меняющейся внутри- и внешнеполитической ситуации. Первые включают в себя «негативную» идентичность как противопоставление Абхазии Грузии; восприятие себя «малочисленным народом» и страх оказаться в меньшинстве на своей территории вследствие трех исторических травм; обоснование стремления к независимости как укорененной в истории отличительной характеристике абхазского этноса. В числе новейших тенденций формирования идентичности можно выделить: определение в качестве «стратегического союзника» России вместо называемых ныне «братскими» Республики Южной Осетии и Приднестровской Молдавской Республики при сохранении спорности вопроса о пределах интеграции с нею; восприятие мира сквозь призму *Realpolitik*; смягчение образа Грузии – от экзистенциального «врага» до «потенциального агрессора».

Признавая уязвимость текущего положения частично признанного государства, главы республики и рядовые жители, тем не менее, позиционируют Абхазию в качестве суверенного государства. Однако проведенный анализ приводит к выводу о том, что во внешний мир одновременно транслируется и совершенно противоположная мысль: «Мы маленькие и нас мало, а международная среда враждебна». Как итог, в абхазском политическом дискурсе все еще прослеживаются черты идентичности де-факто государства, а не только того международного актора, которым оно стремится предстать, что, впрочем, не означает отсутствия более позитивных перспектив в будущем.

1 Абхазский узел 1995, 19–114.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Абхазский узел: Документы и материалы по этническому конфликту в Абхазии. Выпуск II. Народный форум Абхазии «Айдгылар» и его союзники. 1989–1990 гг. / Составитель и ответственный редактор М.Ю. Чумалов. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1995.
- M.Yu. Chumalov, ed. *Abkhazskii uzел: Dokumenty i materialy po etnicheskomu konfliktu v Abkhazii. Vypusk II. Narodnyi forum Abkhazii «Aidgylara» i ego soyuzniki. 1989–1990 gg.* Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography RAS, 1995 [In Russian].
- Авидзба, А.Ф. Становление независимого Абхазского государства и Российской Федерация (1993–2008 гг.) // Ученые записки Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН. Том I: Абхазия / отв. ред. А.Ю. Скаков. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 209–226.
- Avidzba, Aslan F. "Stanovlenie nezavisimogo Abkhazskogo gosudarstva i Rossiiskaya Federatsiya (1993–2008 gg.)." In *Uchenye zapiski Tsentra izucheniya Tsentral'noi Azii, Kavkaza i Uralo-Povolzh'ya IV RAN. Tom I: Abkhaziya*, edited by A.Yu. Skakov, 209–226. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS, 2013 [In Russian].
- Айба, Б. Малые страны мира. Сухум: ГПП «Дом печати», 2006. 180 стр.
- Aiba, Badra. *Malye strany mira*. Sukhum: GPP "Dom pechati," 2006 [In Russian].
- Басария, С. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923.
- Basariya, Simon. *Abkhaziya v geograficheskom, etnograficheskom i ekonomicheskom otnoshenii*. Sukhum-Kale, 1923 [In Russian].
- Бгажба, О.Х., Лакоба, С.З. История Абхазии с древнейших времен до наших дней. Сухум, 2007.
- Bgazhba, Oleg Kh., and Stanislav Z. Lakoba. *Istoriya Abkhazii s drevneishikh vremen do nashikh dnei*. Sukhum, 2007 [In Russian].
- Гамахария, Дж. Политическая история Абхазии/ Грузия (Краткая научная справка) / под ред. Н. Кварцхелия. Тбилиси, 2012.
- Gamakharია, Jemal. *Political History of Abkhazia/ Georgia (Brief science information)*, edited by Nana Kvaratskhelia. Tbilisi, 2012.
- Гамахария, Дж., Гогия, Б. Абхазия – историческая область Грузии (историография, документы и материалы, комментарии). С древнейших времен до 30-х годов XX века. Тбилиси: Издательство ООО «Агдгома», 1997.
- Gamakharია, Dzhemal, and Badri Gogia. *Abkhaziya – istoricheskaya oblast' Gruzii (istoriografiya, dokumenty i materialy, komentarii). S drevneishikh vremen do 30-kh godov XX veka*. Tbilisi: Izdatel'stvo ООО "Agdgoma," 1997 [In Russian].
- Кухианидзе, А. Грузия: конфликты, преступность и безопасность // Кавказ и глобализация. 2012. № 4. С. 60–71.
- Kukhianidze, Alexander. "Georgia: Conflicts, Crime, and Security." *The Caucasus & Globalization* 6, no. 4 (2012): 54–62.
- Лакоба, Н. Искры Октябрьской Революции в Абхазии (вспоминания) // К истории революционного движения в Абхазии. Сборник Главполитпросвета Абхазии. Сухум: Типография Сов. Нар. Хозяйства Абхазии, 1922. С. 3–22.
- Lakoba, Nestor. *Iskry Oktyabr'skoi Revolyutsii v Abkhazii (vospominaniya)*. In *K istorii revolyutsionnogo dvizheniya v Abkhazii. Sbornik Glavpolitprosveda Abkhazii*, 3–22. Sukhum: Tipografiya Sov. Nar. Khozyaistva Abkhazii, 1922 [In Russian].
- Лакоба, С.З. Абхазия – де-факто или Грузия де-юре? Саппоро: Slavic Research Center, 2001.
- Lakoba, Stanislav Z. *Abkhaziya – de-fakto ili Gruzii de-yure?* Sapporo: Slavic Research Center, 2001 [In Russian].
- Лордкипанидзе, М., Отхмезури, Г. Статус Абхазии в составе Грузии: к истории вопроса // Кавказ и глобализация. 2010. № 1–2. С. 205–2017.
- Lordkipanidze, Mariam, and Georgi Otkhmezuri. "Abkhazia's status as part of Georgia: historical perspective." *The Caucasus & Globalization* 4, no. 1–2 (2010): 172–183.
- Маркедонов, С. Постсоветские де-факто государства: траектории борьбы за суверенитет // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 12. С. 79–89. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-12-79-89>
- Markedonov, S. "Post-Soviet De Facto States: Trajectories of Their Struggle for Sovereignty." *World Economy and International Relations* 65, no. 12 (2021): 79–89 [In Russian].
- Маркедонов, С., Скаков, А. Постсоветская Грузия: от турбулентности к стабильности и предсказуемости // Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее : хрестоматия. М.: НПРСМД, 2017. С. 131–140.
- Markedonov, Sergei, and Aleksandr Skakov. "Postsovetskaya Gruziiya: ot turbulentskosti k stabil'nosti i predskazuemosti." In *Evolutsiya postsovetskogo prostranstva: proshloe, nastoyashchee, budushchee : khrestomatiya*, 131–140. Moscow: NP RSMD, 2017 [In Russian].
- Марыхуба, И. Исторические, государственно-правовые обоснования суверенитета Абхазии. Сухум: СППА, 2004.
- Marykhuba, Igor. *Istoricheskie, gosudarstvenno-pravovye obosnovaniya suvereniteta Abkhazii*. Sukhum: SPPA, 2004 [In Russian].
- Папаскири, З. Абхазия и абхазы в общегрузинском этнокультурном и политико-государственном пространстве // Кавказ и глобализация. 2008. № 2. С. 120–139.
- Papaskiri, Zurab. "Abkhazia and the Abkhazians in the common Georgian ethno-cultural, political, and state expanse." *The Caucasus & Globalization* 2, no. 2 (2008): 105–121.
- Платонова, М.А. Де-факто независимые государства Кавказа: переосмысление терминологии // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1. С. 98–101. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2012.1.14>.
- Platonova, Maria A. "De-facto Independent States of the Caucasus: Redefining the Terminology." *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, no. 1 (2012): 98–101 [In Russian].
- Силаев, Н. Что получилось у Грузии? // Эволюция постсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее: хрестоматия. М.: НПРСМД, 2017. С. 41–46.
- Silaeв, Nikolai. "Chto poluchilos' u Gruzii?" In *Evolutsiya postsovetskogo prostranstva: proshloe, nastoyashchee, budushchee : khrestomatiya*, 41–46. Moscow: NP RSMD, 2017 [In Russian].
- Broers, Laurence. "Unrecognised Statehood?" In *Routledge Handbook of the Caucasus*, edited by Galina M. Yemelianova and Laurence Broers, 1st ed., 466. London: Routledge, 2020.

Brubaker, Rogers. "Nationhood and the National Question in the Soviet Union and Post-Soviet Eurasia: An Institutional Account." *Theory and Society* 23, no. 1 (1994): 47–78. <https://doi.org/10.1007/BF00993673>.

Caspersen, Nina. "Making Peace with De Facto States." In *Unrecognized States and Secession in the 21st Century*, edited by Martin Riegl and Bohumil Doboš, 11–22. Cham: Springer International Publishing, 2017. https://doi.org/10.1007/978-3-319-56913-0_2.

Comai, Giorgio. "Conceptualising Post-Soviet de Facto States as Small Dependent Jurisdictions." *Ethnopolitics* 17, no. 2 (March 15, 2018): 181–200. <https://doi.org/10.1080/17449057.2017.1393210>.

Florea, Adrian. "De Facto States: Survival and Disappearance (1945–2011)." *International Studies Quarterly* 61, no. 2 (2017): 337–351. <https://doi.org/10.1093/isq/sqw049>.

Hicks, Tim. "Another Look at Identity-Based Conflict: The Roots of Conflict: The Roots of Conflict in the Psychology of Consciousness." *Negotiation Journal* 17, no. 1 (2001): 35–45. <https://doi.org/10.1111/j.1571-9979.2001.tb00225.x>.

Kazantsev, Andrei A., Peter Rutland, Svetlana M. Medvedeva, and Ivan A. Safranchuk. "Russia's Policy in the 'Frozen Conflicts' of the Post-Soviet Space: From Ethno-Politics to Geopolitics." *Caucasus Survey* 8, no. 2 (October 22, 2020): 142–162. <https://doi.org/10.1080/23761199.2020.1728499>.

Ker-Lindsay, James. "The Stigmatisation of de Facto States: Disapproval and Engagement without Recognition." *Ethnopolitics* 17, no. 4 (August 8, 2018): 362–372. <https://doi.org/10.1080/17449057.2018.1495363>.

Kharitonova, Oxana. "Ethnic Conflicts and Nation-Building Trajectories in Post-Soviet States." In *Transitions in Post-Soviet Eurasia*, by Archana Upadhyay, 83–102, 1st ed. London: Routledge India, 2021. <https://doi.org/10.4324/9781003193418-6>.

Kudryashova, Irina. "Secession and de Facto State-Building as a Tool for Managing Ethno-Cultural Diversity." In *Transitions in Post-Soviet Eurasia*, by Archana Upadhyay, 103–113, 1st ed. London: Routledge India, 2021. <https://doi.org/10.4324/9781003193418-7>.

Markedonov, Sergey. "The Unrecognized States of Eurasia as a Phenomenon of the USSR's Dissolution." *Demokratizatsiya* 20 (2012): 189–196.

O'Loughlin, John, Vladimir Kolossov, and Gerard Toal. "Inside the Post-Soviet de Facto States: A Comparison of Attitudes in Abkhazia, Nagorny Karabakh, South Ossetia, and Transnistria." *Eurasian Geography and Economics* 55, no. 5 (September 3, 2014): 423–456. <https://doi.org/10.1080/15387216.2015.1012644>.

Pegg, Scott. *De Facto States in the International System*. Working Paper 21. Institute of International Relations The University of British Columbia, 1998.

Сведения об авторе

Анастасия Вячеславовна Павлова,

аналитик Института международных исследований МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: lodinaanastasia09@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 14 ноября 2023.

Переработана: 14 декабря 2023.

Принята к публикации: 15 декабря 2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Павлова, А.В. Становление внешнеполитической идентичности де-факто государства: от самопровозглашения – к международно-правовой субъектности (казус Абхазии) // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (1). С. 154–172. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-154-172>

The Rise of De Facto State's Foreign Policy Identity: From Self-Proclamation to International Legal Subjectivity. The Case of Abkhazia

ABSTRACT

The article focuses on the foreign policy identity of the de facto state, citing Abkhazia, which gained partial recognition from Russia and a number of other states, as an example. Using comparative analysis of the Abkhazian Intellectuals' Addresses (1977 and 1988) and content analysis of the annual Presidential Addresses as basic research methods, the study attempts to answer the question: what is the foreign policy identity of the de facto state (from 2008 – partially recognized state) under issue. The conducted research concludes that the conceptual foundations of Abkhazian foreign policy identity, formulated in the Intellectuals' Addresses, are reflected in the official discourse and reproduced at the level of everyday perception, still they are not static. The main implication to be made is that although today Abkhazia is increasingly positioned as a sovereign state, the opposite – Abkhazia's identity as a de facto state – is still evident enough in official speeches and everyday communication.

KEYWORDS

Abkhazia, de facto state, foreign policy, historical traumas, Russia, Georgia

Author

Anastasia V. Pavlova,

analyst, Institute for International Studies, MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: lodinaanastasia09@gmail.com

Additional information

Received: November 14, 2023. Revised: December 14, 2023. Accepted: December 15, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Pavlova, Anastasia V. "The Rise of De Facto State's Foreign Policy Identity: From Self-Proclamation to International Legal Subjectivity.

The Case of Abkhazia." *Journal of International Analytics* 15, no. 1 (2024): 154-172.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-154-172>